

Ю. Л. Бессмертный

К ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕРЕВНИ IX В.

(Люди и имена)

Всякий, кто знаком с раннесредневековой историей Западной Европы, знает, насколько смутны и неопределенны наши представления о численности и структуре народонаселения в это время¹.

Объясняется это в первую очередь нехваткой источников. Для всего периода раннего средневековья можно назвать лишь один вид памятников, сообщающих массовые данные демографического характера — каролингские полиптики². Представляя собою поземельные описи частных сеньорий, полиптики содержат сведения о числе земельных держаний, крестьянских повинностях и, что особенно важно, о составе и численности подвластного населения: крестьянах-держателях, бенефициариях, министерналах, лицах, находящихся под патронатом, безземельных работников, обрабатывавших господские земли, пришлых «чужаках» и т. п.

При всем значении подобных данных их использование для демографической характеристики страны в целом затрудняется уже постольку, поскольку каждый из полиптиков представляет не более чем частнохозяйственный документ, касающийся владений лишь одного из вотчинников. Распространение выводов, полученных при изучении какого-либо одного полиптика, на все другие сеньории, естественно, неправомерно. Сопоставление данных, почерпнутых из разных полиптиков, также не всегда удается, так как порядок их составления и круг описываемых объектов совпадали не всегда. Существенные ограничения в возможности демографического анализа полиптиков вносит и тот факт, что они воспроизводят состав населения за тот или иной конкретный год.

Однако на сегодняшней стадии исторической демографии раннего средневековья не приходится пренебрегать даже теми фрагментарными сведениями, которые может дать анализ отдельных полиптиков. Комбинируя их данные с материалом картуляриев, капитуляриев, постановлений церковных соборов, можно прежде всего представить масштабы концентрации зависимого населения в крупных сеньориях IX в.

О них отчасти говорит уже число держаний, описанных в полиптиках. Как видно из табл. 1, на каждый из французских монастырей, объем

¹ Демографические исследования по этому периоду весьма немногочисленны и, как правило, фрагментарны. Библиографию вопроса см.: *P. Riché. Problèmes de démographie historique du Haut Moyen Age (Ve—VIIIe siècles).* — «*Annales de démographie historique*», 1966, p. 37—57; *R. Fossier. Peuplement de la France du Nord entre le Xe et le XVIe siècles.* — Там же, 1979, с. 59—99.

² До нас дошло около десятка монастырских полиптиков (или их крупных фрагментов), составленных в конце VIII в. или же — чаще — в течение IX в. в разных областях будущей Франции (см. *R. Fossier. Polyptyques et censiers. Brepols, 1978, p. 31—32*).

Сеньория **	Число держаний (мансов) по сохранившимся памятникам	Численность крестьян-держателей	Приблизительная доля сеньории, отраженная в сохранившихся памятниках	Примерное общее число держаний (мансов) в сеньории
Сен-Жерменское аббатство (Иль-де-Франс)	1683	10 026 крестьян на 1646 мансах	2/3	2200
Реймский монастырь св. Ремигия (Шампань)	693	2042 крестьянина на мансах	1	693
Аббатство Монтье-ан-дер (Лотарингия)	733		1	733
Сен-Бертенское аббатство (Пикардия)	319	1154 на 165 мансах	2/3	450
Монастырь св. Вандрия (Нормандия)	4264	?	1	4264
Монастырь Сен-Рикье (Пикардия)	2500	?	1	2500
Аббатство д'Авеней (Шампань)	1150	?	1	1500
Монастырь Сен-Клод (Лотарингия)	857	?	1	857
Сен-Викторская церковь (Прованс)	267 колоник	1027 крестьян	?	?

* В таблицу включены данные по монастырям, число держаний в которых известно с достаточной определенностью. См. В. Guérard, Polyptyque de l'abbé Irminon.— «Prolégomènes». Paris, 1844, p. 891, 902 (о Сен-Жерменском аббатстве); А. Я. Шевеленко. Формы феодального землевладения в Шампани IX—X вв.— «Средние века», XII, 1958 (о монастыре св. Ремигия в Реймсе); Ch. Lalore, Polyptyque de l'abbaye de Montier-en-Der. Paris, 1878, p. VI—VII; R. Fossier. La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIII siècle. Paris—Louvain, 1968, p. 225 (о Сен-Бертенском аббатстве); Gesta abbatum Fontanellensium, éd. S. Loewenfeld, Hannoverae, 1886, p. 45 (о монастыре св. Вандрия); Hariulf. La chronique de Saint-Riquier, Paris, 1894, p. 307 (о монастыре Сен-Рикье); F. Lot. Les tributs aux normandes et l'église de France au IX s.— «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes», t. 85, 1924, p. 63—64 (о монастырях д'Авеней и Сен-Клод); И. С. Филиппов. Церковная вотчина в Провансе начала IX в.— «Средние века», в. 43, 1980.

** Указывается название сеньории и местонахождение ее центра.

владений которых нам известен с достаточной определенностью, приходилось по много сотен держаний (в среднем более чем по полторы тысячи). Даже если допустить, что крестьянские семьи, владевшие мансами, имели каждая не более чем по одному ребенку (что, несомненно, преуменьшает размер семьи), число крестьян в монастырях, учтенных в табл. 1, колебалось бы от 1,5 тыс. (Сен-Бертенское аббатство) до 12,5 тыс. (монастырь св. Вандрия), а в среднем составляло бы около 4,5 тыс. крестьян на монастырь.

В том, что эти цифры никак не преувеличивают численности монастырского крестьянства, убеждает анализ полиптиков, где имеются прямые данные о составе проживавшего на мансах населения. Так, на землях Сен-Жерменского аббатства, опись которого была составлена около 814 г. аббатом Ирминоном, только на мансах, чьи держатели поименно перечислены в полиптике (1646 мансов), зафиксировано 10 026 взрослых и детей (в среднем более шести на манс); на землях реймского монастыря св. Ремигия — несмотря на включение в эту опись в ряде случаев лишь глав семей — на 693 мансах числилось 2042 крестьянина (около трех на манс); на 165 мансах Сен-Бертенского аббатства, население которых нам известно, было 1154 взрослых (около семи взрослых на манс); в известной нам части владений Марсельского аббатства св. Виктора проживало 1027 держателей (около четырех взрослых и детей на манс)³.

³ Как эти, так и многие другие данные (см. ниже) позволяли бы считать, что на одном мансе проживало в среднем не по три крестьянина (из чего исходят расчеты

О населенности в VIII—IX вв. светских сеньорий до нас дошло еще меньше известий, чем о церковных. Тем не менее то, что и здесь масштабы сеньорий измерялись сотнями держаний, можно утверждать с уверенностью⁴. Так согласно одному из капитуляриев конца VIII в., королевский вассал (*vassus dominicus*) мог иметь 200 держаний; самые могущественные графы (*comites fortiores*) — вдвое больше⁵. О значительной величине светских сеньорий свидетельствуют также многочисленные дарения светских собственников, измерявшиеся подчас не только десятками, но и сотнями мансов и сотнями зависимых крестьян⁶.

И с демографической, и с социально-экономической точки зрения было бы весьма важно определить, насколько типичными были для Франции конца VIII — начала IX в. подобные крупные сеньории, концентрировавшие большие массы крестьянства. Отсутствие всеобщего земельного кадастра не позволяет ответить на этот вопрос достаточно определенно. Некоторые предположения можно, однако, сделать, опираясь на классификацию церковных сеньорий, содержащуюся в статутах Аахенского церковного собора 816 г. Согласно этим статутам к числу владельцев «наибольших состояний» (*maiores facultates*) следовало относить церковные учреждения, имевшие 3, 4, 8 «и более» тыс. мансов; средними (*mediores*) предлагалось считать собственников 1—1,5 или 2 тыс. мансов, малыми (*minores*) — собственников 200—300 мансов; меньшие владения именовались «крайне скудными» (*permodicae*)⁷. О возможной величине этих последних позволяют судить встречающиеся в капитуляриях и полиптиках данные о числе держаний наименее крупных вассалов; так, некоторые королевские вассалы имели лишь по 30—50 мансов⁸; минимальное число мансов, возлагавшее на их собственника обязанность конной военной службы, составляло 12⁹; монастырские бенефициарии владели нередко еще меньшим числом мансов. Огромный диапазон колебаний в размерах сеньорий выступает из этих данных с полной очевидностью. Даже при использовании минимального семейного коэффициента (три человека на семью) получается, что наряду с сеньориями, владевшими 10—20 тыс. крестьян и более, существовали сеньории, насчитывавшие лишь по несколько десятков крестьян.

Нельзя ли определить — хотя бы самым приблизительным образом — долю крупных сеньорий на территории Франции IX в.? Если учесть все имеющиеся в полиптиках, картуляриях, хрониках и житиях начала IX в. упоминания монастырей в пределах «*Francia*» и «*Burgundia*» (т. е. примерно на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ нынешней территории Франции), их число будет близко к 250¹⁰. О некоторых из них, наиболее известных и влия-

в табл. 1), но минимум четыре-пять. Однако для историка, исследующего демографию раннего средневековья, всего опаснее допустить какую бы то ни было абсолютизацию отдельных цифровых сведений. Их фрагментарность позволяет выяснить лишь приблизительные масштабы демографических показателей. Именно такими — сугубо ориентировочными и относительными — следует считать все приводимые ниже цифровые данные. При этом осторожность требует избирать их по минимальному варианту, с тем чтобы избежать особенно опасной в данных условиях тенденции преувеличить численность населения.

⁴ Р. Фоссье полагает, что в пределах владений светской знати в IX в. было сосредоточено еще больше крестьян, чем в церковных сеньориях (*R. Fossier. La terre...*, p. 205).

⁵ *Capitularia regum francorum*, t. I, ed. A. Boretius. Hannoverae, 1881, № 21, p. 52.

⁶ См. об этом, например: *R. Fossier. La terre...*, p. 214; *F. Lot. La grandeur des fiefs à l'époque carolingienne.* — *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*, 1924: Angelwinus nobilis передал Амьенскому кафедральному собору 46 мансов и 38 «*assolae*» (участки меньшей, чем мансы, площади), на которых проживали 134 супружеских семьи зависимых крестьян и 31 холостяк.

⁷ *Concilia aevi Karolini*, ed. A. Werminghof. Hannoverae, 1908, t. II, p. 401, cap. 122.

⁸ *Capitularia*, I, № 21, p. 52.

⁹ Там же, I, № 44, cap. 6.

¹⁰ *F. Lot. Les tributs*, n 78.

менитых аббатств этого времени были и самыми богатыми. Для «Francia» и «Burgundia» Ф. Лот насчитал 17 таких аббатств¹¹. Доля крупных монастырских вотчин составляла, следовательно, в этом регионе около 7% по отношению ко всем монастырским сеньориям. Так как, однако, аббатств среди мельчайших сеньорий, несомненно, было меньшинство (ибо большая часть мельчайших сеньоров принадлежала к монастырским или светским вассалам), фактическая доля крупных монастырских вотчин среди общей массы сеньорий была, видимо, еще меньше.

Тем не менее по масштабам IX в. крупные собственники владели в целом существенной долей зависимых крестьян. Если допустить, что на всей территории Франции крупные монастырские сеньории были распространены примерно так же, как в областях «Francia» и «Burgundia» (т. е. что всего на территории Франции было в первой половине IX в. 70—80 крупных монастырских вотчин) и что число крупнейших епископств, взятое вместе с числом крупных светских сеньорий (к которым отнесем лишь крупнейшие графства), было хотя бы таким же, как число крупных монастырей (на самом деле оно было намного больше)¹², общее число крупных вотчин (не считая королевских) окажется не менее полтора. Даже если каждая такая крупная сеньория насчитывала лишь по 1,5 тыс. мансов (см. табл. 1) и по 5 тыс. крестьян-мансуариев, в целом в руках отдельных крупных собственников было бы не менее 750 тыс. зависимых держателей. Кроме владельцев мансов в состав зависимого крестьянства входили тогда безземельные (или малоземельные) доменальные работники, держатели небольших земельных участков, лица, находившиеся под патронатом, крестьяне, свободные от поземельной зависимости, но подчиненные судебной власти вотчины. Хотя соотношение всех этих категорий трудно установить точно (в разных сеньориях оно бывало различным), вряд ли будет ошибкой полагать, что в крупных сеньориях крестьяне этих категорий составляли минимум 25—30% от числа владельцев мансов. Это означает, что общее число зависимого населения, подвластного крупной сеньории (не считая королевских вотчин), достигало примерно миллиона. Так как по существующим оценкам на территории Франции в начале IX в. проживало не менее 3—5 млн. человек¹³, можно предполагать, что под властью крупных сеньоров (насчитывавших минимум 150, но чаще — несколько сот человек) находилось не менее 20—25% всего трудового населения страны. Для начала IX в. это, конечно, немалые цифры.

Ориентировочность и недостаточная конкретность демографических показателей, устанавливаемых для Франции в целом¹⁴, придает особый интерес анализу структуры народонаселения в рамках отдельных сеньорий, описи которых сохранились. Первым в этом ряду должно быть названо аббатство Сен-Жермен-де-Прэ под Парижем. Полиптик этого аббатства позволяет не только определить число крестьян разного юри-

¹¹ F. Lot. *Les tributs...*, p. 78.

¹² По данным О. Лоньона (*A. Lognon. Atlas historique de la France. Paris, 1885, p. 210*), на территории каролингской Галлии в X в. было около 300 графств (в том числе 39 наиболее крупных) и 103 епископства и архиепископства.

¹³ P. Guillaume et J. P. Poussou. *Démographie historique. Paris, 1970, p. 47*; C. M. Cipolla. *Storia economica dell'Europa preindustriale. Bologna, 1974, p. 14*; J. Dhondt. *Le haut moyen age (VIIIe—XIe siècles). Paris, 1976, p. 99*.

¹⁴ При попытках рассчитать общезакономерные демографические показатели, принимавшихся в прошлом (в частности, Ф. Лотом, А. Гренье, К. Жюльеном и др.), недостаточно учитывалась сугубая приближенность всех исходных данных и невозможность установить абсолютные цифры; естественно, что расчеты подобного рода критикуют многие медиевисты и демографы (Ш. Э. Перен, Р. Фоссье, Ж. Дюби, Дж. Рассел и др.). Учитывая ненадежность всех абсолютных цифр, я ограничиваюсь попыткой наметить лишь возможное соотношение численности некоторых разрядов крестьянства и притом сознательно избираю наименьшие из возможных числовых показателей.

дического статуса и поземельной обеспеченности¹⁵, но и выяснить численность и структуру крестьянской семьи, что имеет значение, далеко выходящее за узулокальные рамки.

Основной единицей сеньориального обложения в Сен-Жерменском монастыре был манс, точнее, сообщество его держателей. Состав этих сообществ не был однородным: часть мансов держали супружеские пары с детьми или же крестьяне-одиночки (холостые или вдовы); в некоторых случаях здесь же проживали мать (отец) одного из супругов (или крестьянина-холостяка), их братья и сестры; другой частью мансов владели сообщества, включавшие две-три-четыре и более супружеские пары с их детьми (иногда и с родственниками — матерями, братьями, сестрами), или же две-три семьи женатых братьев (включая иногда и старших родственников). Численность крестьян, проживавших на одном мансе, варьировала поэтому в широких пределах — от 1—2 до 25—29 человек¹⁶ (в среднем 6,1 человека). Хотя мансы, где крестьянские сообщества включали более одной семьи, составляли около 40%, на них проживала — вследствие их многонаселенности — большая часть зависимого крестьянства (свыше 60%). Поэтому многосемейные крестьянские сообщества представляли в Сен-Жерменском аббатстве весьма характерную социальную ячейку, а взаимоотношения внутри них весьма важны для изучения социальной и демографической структуры крестьянства.

Некоторые стороны этих взаимоотношений ясны из самого текста полиптика Ирминона. Очевидно, в частности, что члены многосемейных сообществ совместно владели землей. Не приходится также сомневаться, что они сообща пользовались рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Менее ясно, какие из семей, входивших в сообщества, жили «одним домом», а какие врозь¹⁷. Еще неопределеннее вопрос о том, играли ли в формировании этих сообществ какую-либо роль родственные отношения. В тексте полиптика Ирминона родство входивших в сообщества семей отмечается в считанных случаях¹⁸. Между тем от того, было ли это родство исключительным или же, наоборот, обычным явлением, во многом зависит оценка самой природы этих сообществ и уяснение типа, состава и численности семьи. В самом деле, если родство семей, входивших в сообщества, было органично для них, следовало бы пересмотреть господствующее в специальной литературе представление об абсолютном преобладании во Франции и, в частности, на территории, где находилась Сен-Жерменская сеньория, малой семьи уже в начале IX в.¹⁹; соответственно весьма важной для этого времени

¹⁵ Разработка этих вопросов была начата еще в прошлом веке Б. Гераром и О. Льюном; новый вклад в их исследование был внесен в последнее десятилетие благодаря работам советского исследователя Я. Д. Серовайского и американской исследовательницы Э. Коулимен (см. подробнее: Ю. Л. Бессмертный. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа политика Сен-Жерменского аббатства. — «Средние века», в. 43, М., 1980).

¹⁶ См., например, *Polyptyque de l'abbaye de Saint-Germain-dés-Prés*, publ. par A. Longnon. Paris, 1886 (далее: S.-G.), XIII, § 78; XIII, § 5.

¹⁷ Лишь в 4 (из 23 подробно описанных) имениях аббатства удается разделить суммировать число мансов и число focus («очаг»?, «дом»?, «семья»?). Последнее существенно превышало число держаний, но и оно было несколько меньше реальной цифры семей, непосредственно описанных в тексте: см. S.-G., XI, § 10; XIII, § 99; XXII, § 97; XXIII, § 26.

¹⁸ S.-G., XXIV, § 140; XIII, § 34; XII, § 22.

¹⁹ М. Блок. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957, с. 223: с каролингской эпохи «крепкую и большую патриархальную семью заменяет в качестве ячейки общественной жизни супружеская семья, состоящая главным образом из потомков еще живущих супругов»; G. Fourquin. Le premier Moyen age. — «Histoire de la France rurale», t. I. Paris, 1975, p. 348: «Les manses tenues de Saint-Germain-de-Prés autour de Paris semblent occupés non par une famille large, mais par un ménage et ses enfants»; E. Coleman. Medieval marriage. Characteristics. — «The Journal of Interdisciplinary History», II, 1971, p. 208: «the manors belonging to Saint-Germain-dés-Prés did not

них следовало бы видеть держание не только малой, но и большой семейно-хозяйственной группы). Если же, наоборот, родство объединенных в сообщества семей оказалось бы сравнительно редким, можно было бы с уверенностью говорить о преобладании в IX в. на рассматриваемой территории малых супружеских семей, объединение которых в сообщества представляло лишь временное, конъюнктурное явление. Ключевым для данного этапа в исследовании семьи в Сен-Жермене оказывается, таким образом, вопрос о том, насколько часто были родственными крестьянские семьи, совместно владевшие одним и тем же мансом.

Исследовать этот далеко не простой вопрос помогает специфика антропонимической системы, господствовавшей на территории Франции IX в. Из-за слабости церковного влияния наречение новорожденных происходило здесь без участия священника. Христианские имена встречались редко²⁰. Именник был очень широк и постоянно пополнялся за счет свободного имятворчества. Имя ребенку давали сами родители, руководствуясь лишь собственным вкусом, иначе говоря, своими представлениями о престижности того или иного имени и о «приличествующих» людям данной социальной группы именам. Кроме того, свободу имятворчества ограничивала традиция включать в новое имя какую-нибудь лексему — или хотя бы слог или начальную букву — из имен родителей и других старших родственников нарекаемого²¹. Анализ материалов Сен-Жерменского полиптика показывает, что эта традиция действовала здесь в IX в. в полной мере: высокое сходство с родительскими имели примерно 50% детских имен²². Эта частота сходства имен тем более симптоматична, что при проведении соответствующих подсчетов мною принималось во внимание лишь наиболее явное сходство имен и вовсе не учитывалось сходство с именами дедов, бабок, дядьев и теток (их имена в описи не указаны), так же как и аллитерационное сходство.

show a trend toward large families»; в более поздней работе Э. Коулмен несколько нюансировала эту точку зрения. См.: *E. Coleman. People and property.* — «The Journal of European Economic History», v. 6, № 3, 1977, p. 694—695; см. также: *G. Duby. Guerriers et paysans. VIII-e—XII-e siècles.* Paris, 1973, p. 44—45 (ср. Там же, с. 93—94); эту же точку зрения высказывает Я. Д. Серовайский: *Я. Д. Серовайский. Манс и надел зависимого крестьянина во Франции.* — «Уч. зап. Казахского ун-та», т. 47, в. 6, 1960, с. 80: «Большая семья как хозяйственная единица изживает себя на основной территории Франции уже в V—VIII в. ...Каждый манс находился, как правило, во владении одной семьи современного типа...». Более осторожны Р. Фоссье, подчеркивающий длительное сохранение — наряду с малыми — больших семей (*R. Fossier. La terre...*, p. 207) и Ш. Перрен, отмечающий, что, судя по материалам Сен-Жерменского полиптика, старшие женатые дети могли иногда жить совместно с родителями в качестве их совладельцев (*Ch. E. Perrin. Observations sur le manse dans le région parisienne au début du IX s.* — «Annales d'histoire sociale», 1945, p. 45—48; *его же. Note sur la population de Villeneuve-Saint-Georges au IX s.* — «Le Moyen Age», v. 69, 1963, p. 82).

²⁰ Среди примерно 10 тыс. крестьян Сен-Жерменского аббатства христианские (или христианизированные) имена носило около 5%.

²¹ Об этой традиции и ее происхождении см.: *K. F. Werner. Liens de parenté et noms de personne. Un problème historique et méthodologique.* — «Famille et parenté dans l'Occident médiéval». Roma, 1977; см. также: *H. Knoch. Möglichkeiten und Aspekte der Erforschung Westfränkischer Personennamen in der Karolingischen Nordgallia.* Heidelberg, 1968; *В. А. Никонов. Имя и общество.* М., 1974, с. 13.

²² См. названную выше мою статью, с. 37—38. Мерой сходства имен был избран индекс, представляющий частное от деления числа совпадающих слогов в двух сопоставляемых именах на общее число слогов в этих именах. Например, S.-G., VI, § 28:

отец Sicharius, сын Richarius; индекс сходства = $\frac{3+3}{4+4} = 0,75$; другого сына того же

крестьянина звали Ermenarius, индекс сходства = 0,44; IX, § 8: отец Vulframnus, сын Gulframnus, индекс сходства 0,66; XIX, § 18: мать Gisleberta, сын Gislebertus, индекс сходства = 1; XXI, § 13: отец Ingaldus, сын Anboldus, индекс сходства = 0,57; дочь того же крестьянина Ingaltudis, индекс сходства 0,57; XXIII, § 2: отец Airbertus, дочь Airberta, индекс сходства = 1, etc.

Опираясь на данную антропонимическую норму, удалось исследовать родство и в многосемейных сообществах. Для этого потребовалось проверить, насколько часто встречается сходство имен среди взрослых членов таких сообществ. Поскольку это сходство по своей относительной частоте было сопоставимо со сходством имен родителей и детей, можно предполагать, что в состав многосемейных сообществ сплошь да рядом входили взрослые дети старшей семьи или же братья и сестры ее основных членов. Следовательно, родство было немаловажным фактором формирования крестьянских сообществ.

Выгоды объединения с отцовской семьей обуславливались рядом обстоятельств. Вновь складывавшиеся семьи старших детей избавлялись от необходимости самостоятельно выполнять сеньориальные повинности (объем поземельных повинностей от численности проживавших на мансе держателей не зависел). Отцовская семья также получала облегчение в исполнении этих повинностей, так как их можно было разделить теперь между большим числом рабочих рук. Молодая семья не должна была заботиться о приобретении рабочего скота и инвентаря. Она могла опереться на трудовой опыт и хозяйственные навыки старших. (Отчасти вследствие этого браки могли быть очень ранними — для мальчиков с 12—13,5 лет, для девочек — с 10—11,5 лет²³.) Складывание многосемейного сообщества на отцовском мансе лимитировалось лишь его хозяйственными ресурсами: чем меньше был манс по площади и беднее по плодородию, тем скорее обнаруживалась необходимость выделения старших детей (или братьев и сестер отца) за пределы родительского держания; в подобном случае молодая семья могла стать совладельцем держания у неродственника и возникало неродственное многосемейное сообщество.

В общем, для семейной структуры крестьян Сен-Жерменского аббатства было весьма характерным существование сложных «многаячейных» семей («Multiple family household», по терминологии П. Ласлетта), или «неразделенных» семей — по терминологии Я. Е. Водарского²⁴. От патриархальных больших семей они отличались и по своему генезису, и по предпосылкам возникновения, и по месту в эволюции семейных форм: если патриархальная большая семья, существовавшая, например, во времена записи Саллической правды, представляла отправную точку в формировании малой семьи, то многаячейная семья IX в., наоборот, как бы надстраивалась — по изложенным выше причинам — над малой семьей, т. е. представляла по отношению к ней вторичное образование. Тем не менее тот факт, что около двух третей крестьян Сен-Жерменского аббатства проживали в составе подобных многосемейных сообществ, дает основание внести определенные коррективы в преобладающее среди специалистов представление о господстве в начале IX в. на территории Франции, в частности в области Парижа, малой («нуклеарной») семьи²⁵. Ведь всюду, где встречались многосемейные сообщества, особенность малой семьи была в той или иной мере ограничена, и сама она выступала лишь как часть родственного (или соседского) сообщества²⁶. Особенно важно, что подобные сообщества, видимо, не были в

²³ См. P. Riché. Problèmes..., p. 37—57; его же. L'enfant dans le Haut Moyen Age. — «L'enfant et sociétés» («Annales de démographie historique», 1973), p. 95—97; J. L. Flaudrin. Familles (Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société). Paris, 1976, p. 129.

²⁴ P. Laslett. La famille et le ménage. Approches historiques. — «Annales E. S. C.», 1972, № 4—5, p. 851, 872; Я. Е. Водарский. К вопросу о средней численности крестьянского двора. — «Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.», М., 1974, с. 121, 122.

²⁵ Ср. выше примечание 19.

²⁶ И даже там, где наделом владела лишь одна супружеская пара, сообщество держателей нередко включало кроме ее несовершеннолетних детей, незамужних сестер и братьев супругов, их матерей, племянников и других родичей. (См., например, S.-G., VI, § 44, § 47, § 48; XIII, § 16, § 39; XIV, §§ 18, 27, 29, 38, 40, 55; XV, §§ 5, 7, 17, 23,

ства существования таких семей есть и для других областей — Шампани, Пикардии, Лотарингии, Прованса²⁷.

Это придает особую весомость выводам демографического порядка, напрашивающимся из изучения крестьянской семьи в Сен-Жермене. Прежде всего очевидно, что высокая населенность отдельного манса отражала не только особую плодородность и давнюю освоенность подпарижских земель, но и специфику семейной структуры. Эта структура предполагала сравнительно очень высокую концентрацию крестьянства на зависимых держаниях. В частности, «семейный коэффициент» на одно держание, видимо, никак не может быть сведен до минимальной цифры 3, как я допускал это из соображений осторожности в начале статьи. Его следует поднять по меньшей мере до 4,5²⁸. Этой цифрой измерялась минимальная средняя численность крестьянского двора, в котором, как было выяснено, чаще проживала не малая, но многоочечная семья. Соответственно можно было бы существенно увеличить приведенные выше приблизительные цифры концентрации зависимого крестьянства в крупных французских сеньориях (без учета королевских вотчин), повысив их с 20—25 до минимум 25—32%.

Немаловажны и последствия анализа семейной структуры для установления среднего числа детей на семью. Исходя из убеждения о господстве во Франции IX в. обособленной малой семьи, исследователи включали в число детей на землях Сен-Жерменского аббатства лишь тех, кто был отнесен к ним в самом полиптике Ирминона. Все старшие дети, отделившиеся к моменту составления полиптика от отцовской семьи (включая 10—13-летних подростков) — даже если они по-прежнему проживали на том же мансе, — выпадали при данном подходе из учета. Естественно, что среднее число детей на семью оказывалось до удивления малым — 1,6²⁹. Если же допустить, что в Сен-Жерменском аббатстве хотя бы у половины семей, входивших в многосемейные сообщества, лишь один из совладельцев принадлежал к числу детей старшей семьи, среднее число выживших детей на супружескую пару по аббатству в целом составило бы около двух (В действительности эта цифра была, вероятно, больше.)

Приведенные цифры населения крестьянского двора, величины многоочечной семьи и среднего числа детей на малую семью интересно дифференцировать для крестьян разных правовых категорий. Обнаруживается, что колонны и сервы различаются уже по распространенности многосемейных сообществ: у колонов они встречаются в 1,7 раза чаще. Отчасти это можно объяснить различиями в их земельной обеспечен-

44, 51, 53, 68, 71, 75, 84, 89; XVI, §§ 5, 65, 77 XVII, § 42). Следовательно, и здесь манс не был владением «нуклеарной» семьи. Известный тезис Ласлетта о широкой распространенности во все эпохи «нуклеарной» семьи и «простого семейного домохозяйства» не получает в данном случае подтверждения. Анализ концепции Ласлетта см. L. K. Berkner. The use and misuse of Census data for the historical analysis of family structure.— *Journal of Interdisciplinary History*, 1975, v. 4; см. также: А. Г. Вишневский, И. С. Кон. Предисловие к сб. «Брачность, рождаемость, семья за три века». М., 1979, с. 9—11.

²⁷ См. А. Я. Шевеленко. Указ. раб., с. 109; И. С. Филиппов. Указ. раб., с. 198, 206. R. Fossier. La terre..., p. 207; F. Lot. La grandeur des fiefs..., p. 55; Ch. E. Perrin. Le manse dans le polyptyque de l'abbaye de Prüm à la fin du IX-e siècle.— *Etudes historiques à la mémoire de N. Didier*. Paris, 1960.

²⁸ Если допустить, что многосемейные сообщества охватывали лишь половину крестьян и включали лишь по две семьи, каждая из которых насчитывала лишь по три человека, и что проживавшие вне многосемейных сообществ крестьянские семьи, также охватывавшие половину крестьян, были опять-таки минимальными (по три человека), то семейный коэффициент составит $(6 \times 0,5) + (3 \times 0,5) = 4,5$. Ясно, что этот коэффициент следует считать минимальнейшим.

²⁹ См. B. Guérard. *Prolégomènes*, p. 898; F. Lot. *Conjectures démographiques sur la France au IX siècle*.— *«Moyen Age»*, t. 31, 1921, p. 17—18 и др.

ности, которая, согласно расчетам большинства исследователей, была у колонов (и на ингенуильных мансах в целом) выше, чем у сервов (и на сервильных мансах)³⁰. Вследствие этого для старших детей сервов имелось меньше возможностей, чем у колонов, найти на отчем мансе достаточно ресурсов для ведения хозяйства и им волей-неволей чаще приходилось отселяться.

Однако дело было, видимо, не только в этом. Судя по полиптику Ирминона, у сервов вообще было меньше детей. Среднее число детей на семью, в которой хотя бы один из супругов был сервом, здесь на 1,1—0,2 (в среднем на 0,4) меньше, чем в семьях колонов (за исключением одного небольшого имения — см. табл. 2, стб. 9, 10); соответственно меньше и средняя численность таких семей в целом (см. табл. 2, стб. 6, 7)³¹.

В чем причина меньшей численности детей у сервов? Можно было бы предполагать, что она связана с большей трудностью заключения браков из-за имущественной и социальной приниженности. Если бы дело было в этом, у сервов чаще, чем у колонов, встречались бы холостяки и незамужние женщины. Между тем соответствующие подсчеты показывают, что доля холостых у сервов не отличалась от доли холостых у колонов: в одних имениях она была выше у сервов, в других — у колонов, в третьих — почти одинакова и у тех и у других (см. табл. 2, стб. 11—14). Остаются две возможности для объяснения меньшей численности детей у сервов: большая частота передачи сервами своих детей в монастырь — на воспитание или в услужение — и большая детская смертность в семьях сервов.

Уровень детской смертности в абсолютных цифрах установить для рассматриваемого периода не удастся. Однако, опираясь на косвенные данные, Э. Коулмен показала, что по крайней мере в молодых семьях была особенно велика смертность девочек: их меньше ценили и поэтому меньше берегли, чем мальчиков³². Есть основание предполагать, что смертность новорожденных девочек была особенно высокой в молодых семьях сервов³³.

В какой мере это предвзятое отношение к девочкам отражает общее положение женщины во французской деревне IX в. в целом? Американский исследователь Д. Херлихи выступил недавно с концепцией, отрицающей социальную приниженность женщины в среде каролингского крестьянства. Опираясь на данные полиптиков IX в. (Марсельской церкви и североитальянского аббатства Farfa), Херлихи утверждал, что из-за высокой смертности при родах, тяжелого труда и меньшей, чем у мужчины, способности уберечься от насилий и разбоя, женщины отличались меньшей продолжительностью жизни, что обуславливало постоянную «нехватку» взрослых женщин и соответственно повышало их цен-

³⁰ B. Guérard. *Prolégomènes...*, p. 892 и др.; Н. П. Грацианский. Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX в. — Н. П. Грацианский. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960, с. 116. Известные коррективы, которые предложила к данному тезису Э. Коулмен (*E. Coleman. People and property...*, p. 683), установившая равенство «моды» (т. е. варианта с максимальной частотой встречаемости) пахотной площади на сервильных и ингенуильных мансах, требуют дальнейшей проверки (Коулмен проводила свои расчеты на основе конструирования искусственного ранжированного ряда, включавшего попеременно данные разных имений.)

³¹ Э. Коулмен отрицает меньшую численность семьи у сервов, ссылаясь на то, что отдельные сервы (и литы) имели столь же многочисленную семью, что и самые многодетные колоны (*E. Coleman. L'infanticide dans le Haut Moyen Age.* — «Annales E. S. C.», 1974, № 2, p. 319). Очевидно, что отдельных примеров для подтверждения этого суждения недостаточно.

³² E. Coleman. *L'infanticide...*, p. 323—324, 329—332.

³³ См. Ю. Л. Бессмертный. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. — «Средние века», в. 44. М., 1981.

Различия в составе семей у колонов и сервов*

Глава по- липтика Ир- минона	Всего ма- лых семей	Средняя чис- ленность малой семьи по име- нию в целом	В том числе малых семей		Средняя численность малой семьи		Среднее число детей на малую семью			Число холостых мужчин			
			колонов	сервов	колонов	сервов	по имению в целом	у колонов	у сервов	у колонов		у сервов	
										абсолютное число	% к числу ма- лых семей ко- лонов	абсолютное число	% к чис- лым семе- вам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
5	154	3,0	152	2	3,0	—	1,5	1,5	—	58	38	1	50
6	66	3,8	62	—	3,8	—	1,9	1,9	—	12	19	—	—
7	91	3,5	76	15	3,4	4,1	1,8	1,8	2,2	21	23	1	6,0
8	39	3,5	34	3	3,3	—	1,8	1,6	—	9	26	—	—
9	505	3,6	411	34	3,6	2,9	1,6	1,8	1,3	67	16	6	18
11	48	3,9	—	13	—	4,0	2,3	—	2,2	—	—	2	15
13	201	4,2	117	35	4,1	4,1	2,3	2,3	2,1	11	99	3	8
14	143	3,9	131	12	4,0	2,0	1,9	2,1	1,1	14	10,6	6	50
15	143	3,3	124	19	3,4	2,3	1,5	1,6	0,5	14	11	5	26
16	101	3,5	92	9	3,5	2,9	1,7	1,7	1,1	14	15	2	22
17	48	3,1	45	1	3,0	—	1,3	1,3	—	7	15	—	—
18	29	3,3	27	2	3,3	—	1,6	1,5	—	5	18	—	—
19	107	4,0	104	—	4,0	—	2,3	2,2	—	11	10	—	—
21	90	3,9	70	15	3,7	4,5	2,3	2,2	2,0	11	15	—	—
22	117	4,2	94	23	4,4	3,4	2,6	2,7	1,6	5	5	3	13
24	230	3,2	198	31	3,3	2,9	1,5	1,5	1,2	23	11	3	10

* В таблице учтены семьи всех типов, включая семьи холостых и вдовых. К «семьям сервов» отнесены те, в которых хотя бы один из супругов — серв. В таблице не являются семьи, дети которых не принадлежат Сен-Жерменскому аббатству. (Указанные особенности составления таблицы объясняют расхождение ее данных с данными, приведенными Э. Коулмен в работе «Medieval marriage...», р. 208, note 15.) Средние цифры в таблице указываются там, где число семей данного социального разряда не менее 9.

Соотношение численности женщин и мужчин

Глава полиптика Ирминона	Число лиц женского пола на 100 лиц мужского пола среди		Глава полиптика Ирминона	Число лиц женского пола на 100 лиц мужского пола среди	
	взрослых	детей		взрослых	детей
2	73,5	78,1	15	87,7	62,1
3	66,6	68,0	16	80,0	80,6
4	79,3	50,0	17	80,0	66,6
5	68,4	?	19	90,9	?
6	86,9	?	20	81,3	67,5
7	67,1	?	21	82,6	74,6
8	71,4	82,6	22	89,2	69,4
9	80,0	77,5	23	84,7	71,4
11	89,2	56,0	24	83,3	90,9
13	84,0	61,3	25	68,9	?
14	80,0	82,6			

ность в глазах общества³⁴. К сожалению, Херлихи опирался в своих выводах на полиптики, не позволяющие проследить динамику численного соотношения крестьян мужского и женского пола начиная с детского возраста. Материалы Сен-Жерменского аббатства обнаруживают, что численное неравенство полов складывалось в крестьянстве IX в. в большинстве случаев не во взрослом возрасте (как полагает Херлихи), но в детском, с годами же оно не увеличивалось, но большей частью уменьшалось (см. табл. 3), причем постепенное уменьшение неравенства обнаруживалось уже в течение детства³⁵. Вряд ли можно в этих условиях считать разрыв в численности полов достаточным свидетельством (и объяснением) повышенной «социальной ценности» женщины.

О самооценке каролингским обществом женщины яснее, чем соотношение «спроса и предложения» на женщин, говорят содержательные особенности социальных представлений, присущих этому обществу. Некоторые из них удастся восстановить, опираясь на антропонимические данные. Выше уже упоминалось о своеобразии антропономической системы во Франкском государстве IX в. Включение в детское имя элементов родительских имен позволяет сопоставить частоту заимствования слогов из имен отцов и матерей. При той свободе формирования детского имени, которая господствовала в IX в., эта частота не могла быть простой случайностью³⁶. В ней имплицитно выражалось предпочтение тому или иному из родителей. Каков бы ни был генезис этого предпочтения, оно до известной степени раскрывало характерное для данного периода отношение к женщине-матери по сравнению с отцом-мужчиной.

³⁴ D. Herlihy. Life expectancies for women in Medieval society.— «The Role of Woman in the Middle Ages». Albany, 1975. Херлихи отмечает, что повышению женского престижа способствовала также их важная роль в крестьянском и доменальном хозяйстве. Но разве мужчина играл там меньшую роль? Концепция Херлихи тесно примыкает к новой трактовке положения женщины во Франции X—XIII вв., развиваемой в докладах (и статьях) участников научного colloquium «La femme dans les civilisations des Xe—XIIIe siècles». Poitiers, 1976. Авторы докладов и выступлений, состоявшихся на этом colloquium.— Р. Фоссье, Р. Лежен, Ж. Вердон, Э. Лабанд, М. Альверни — подчеркивают ряд важных позитивных моментов в положении женщины в эту эпоху, позволяющих, по мнению некоторых из них, говорить даже о «скрытом матриархате». (Труды этого colloquium изданы в Пуатье в 1977 г.).

³⁵ Об этом свидетельствует вскрытая Э. Коулмен (E. Coleman. L'infanticide..., p. 323—324) обратная корреляционная зависимость между численностью крестьянского сообщества на мансе и долей лиц мужского пола, означающая, что доля мальчиков была особенно велика в малочисленных семьях с малым числом детей, тогда как в более многочисленных семьях быстрее возрастала, наоборот, доля девочек.

³⁶ Речь идет, разумеется, о статистической тенденции, которую можно наблюдать лишь на массовом материале, но не в каждом отдельном случае.

ских имен с отцовскими и материнскими, следует иметь в виду, что поскольку имена детей компоновались из отдельных лексем и слогов, входивших в имена старших родственников, имя мальчика могло так же часто, как и имя девочки включать в себя часть имени отца или матери. Общее превышение числа мальчиков над числом девочек не предопределяет, следовательно, более частой связи детского имени ни с отцовским, ни с материнским. Прodelанные подсчеты³⁷ недвусмысленно показывают более частое и более сильное сходство детских имен с отцовскими, чем с материнскими. В некоторых имениях разница оказывается двухкратной и более (см. табл. 4, стб. 5, 13). Думается, эти факты характеризуют положение женщин, во всяком случае яснее, чем их численное соотношение с мужчинами³⁸.

Можно попытаться расширить антропонимические сопоставления и за пределы семьи. Для этого полезно выявить, не существовало ли каких-либо особых правил формирования имен, например, для лиц разного социально-правового статуса и для лиц разного пола. Анализируя структуру имени у сен-жерменских крестьян, стоит обратить внимание прежде всего на такой простой показатель, как число слогов в нем. Сравнение имен у крестьян двух юридических категорий — колонов и сервов, наиболее резко противостоящих по имущественному и социальному положению, обнаруживает определенное различие между ними: у колонов относительно реже, чем у сервов, встречались короткие имена в два-три слога (в 35% случаев против 45) и, наоборот, заметно чаще — длинные имена в четыре и более слогов; средняя длина имени колона превышала среднюю длину имени серва на 0,13 слога (см. табл. 5). Эти данные, разумеется, не означают, что у всех колонов были более длинные имена, чем у сервов, или тем более, что все, кто в IX в. имел двух-трехслоговое имя, стоял социально ниже, чем человек, обладавший именем с большим числом слогов. Подмеченная закономерность является статистической (а не функциональной), т. е. верна не для каждого отдельного имени, но лишь в тенденции и применительно к массовому материалу. Но важность данной антропонимической нормы это не умаляет. Длина имени (в слогах) оказывается здесь знаком социального престижа³⁹. Вот почему имеет познавательный смысл и сопоставление длины имен мужчин и женщин.

Сопоставим вначале имена мужчин и женщин у колонов и сервов вместе (см. табл. 6). Обнаруживается, что женское имя отличалось у

³⁷ В целях осторожности в число детей не включались те, кто был идентифицирован в качестве старших отпрысков, отделившихся от отчей семьи.

³⁸ Французский исследователь Ж. Вердон также предпринял попытку проследить сходство детских имен с отцовскими и материнскими на материале Реймского полиптика аббатства св. Ремигия. К сожалению, автор располагает данными лишь для 14 супружеских пар, среди детей которых 9 именуют сходство с отцовскими и 12 с материнскими именами. (*J. Verdon. La femme vers le milieu du IXe siècle d'après la polyptyque de l'abbaye de Saint-Remi de Reims. — «Mémoires de la Société d'agriculture, commerce, sciences et arts du département de la Marne», t. 91. Châlons-sur-Marne, 1976, p. 128—129*).

³⁹ Действовала ли данная антропонимическая норма только в среде зависимого крестьянства или и вне его? Этот вопрос требует специального анализа. Было бы, в частности, полезно проследить структуру имен всех представителей светской знати, упоминаемых в актах и грамотах VII—IX вв. В предварительном порядке стоит обратить внимание на тот факт, что имена королей меровингской династии и всех известных боковых их отпрысков включают по четыре слога (см., например, упоминания этих королей у Григория Турского: *Gregorii episcopi turonensis historiarum libri decem*, Berlin, ed. R. Buchner). Не исключено, что этот факт отражает антропонимическую норму, присущую франкам, которая лишь постепенно утрачивала свою силу. Аналогичные антропонимические правила существовали и у других народов. — см. В. А. Никонов. Указ. раб., с. 20 сл.

Таблица 4*

Сходство имен детей с именами отцов и матерей

Глава полипи- тика Ирми- нона	Категория крестьян	Всего слу- чаев сход- ства имен детей с именами родителей	В том числе случаев сходства имен детей с именами															
			отцов								матерей							
			всего		в том числе с индексами сходства **						всего		в том числе с индексами сходства					
					1—0,6 (сильное сходство)		0,5—0,3 (сред- нее сходство)		менее 0,3 (сомнительное сходство)				1—0,6 (сильное сходство)		0,5—0,3 (среднее сходство)		менее 0,3 (сомни- тельное схо дство)	
					абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%			абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
6	Колоны Сервы	49	30	61,2	13	26,5	13	26,5	4	8,1	19	38,7	8	16,3	6	12,2	5	10,2
8	Колоны Сервы	39	23	58,9	4	10,2	16	41,0	3	7,6	16	41	3	7,6	6	15,3	7	17,9
9	Колоны Сервы	522	311	59,5	96	18,3	158	30,2	57	10,9	211	40,4	62	11,8	102	19,5	47	9,0
11	Колоны Сервы	36	17	47,2	9	25,0	8	22,2	—	—	19	52,7	7	19,4	8	22,2	4	11,1
13	Колоны Сервы	174	92	54,8	22	12,6	33	18,9	37	21,2	82	47,1	22	12,6	30	17,2	30	17,2
19	Колоны Сервы	64	38	59,3	8	12,5	16	25,0	14	21,8	26	40,6	6	9,3	10	15,6	10	15,6
		15	10	66,6	3	20,0	6	40,0	1	6,0	5	33,3	1	6,0	3	20,0	1	6,0
		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

* Соавтор подсчетов для табл. 4—6 Г. А. Целовальнова, которой я, пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность.

** Об индексе сходства имен см. выше примечание 22 данной статьи.

Таблиц

**Длина имен взрослых колонов и сервов
(мужчины и женщины вместе)**

Глава политтика Ирминона	Всего взрос- лых коло- нов с имена- ми (100%)	В том числе колонов, имена которых имеют слогов										Средняя длина име- ни колона, слоги*	Всего взрослых сервов с именами (100%)	В том числе сервов, имена которых имеют слогов										Ср дли ни сл
		2		3		4		5		6				2		3		4		5		6		
		абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%			абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%	абс. чис- ло	%	абс. чис- ло	%	
6	105	3	2	30	28	60	52	12	1	—	—	3,77	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3 3 3	
8	57	2	3	29	51	24	42	2	3	—	—	3,45	3	—	—	1	33	2	66	—	—	—		
9	710	32	4	202	28	409	58	66	9	1	0,1	3,72	45	5	11	20	44	15	33	—	—	—		
11	6	—	—	5	83	1	17	—	—	—	—	—	15	—	—	2	13	13	87	—	—	—		
13	226	8	3	73	32	129	57	16	7	—	—	3,67	55	2	3	23	37	26	42	4	6	—		
19	196	9	4	71	36	111	57	5	3	—	—	3,57	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	
25	97	5	5	30	31	41	42	21	—	—	—	3,8	3	1	—	1	—	1	—	—	—	—		
Всего по учтенному материалу	1397	59	4	440	31	775	55	122	8	1	0,07	3,68	123	8	6	48	39	58	47	9	7	—		
		35%				63%								45%				54%						

* Среднее число слогов подсчитывается там, где общее число имен более 10.

Длина имен взрослых мужчин и женщин (колоны и сервы вместе)

Глава политтика Ирминона	Пол	Всего имен взрослых колонов и сервов	В том числе имен с количеством слогов								Средняя длина имени, слоги
			2		3		4		5		
			абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%	
6	М	59	1	1,6	16	27,1	32	54,2	10	16,9	3,86
	Ж	47	2	4,2	15	31,9	28	59,5	2	4,2	3,63
8	М	36	2	5,5	18	50,0	14	38,8	2	5,5	3,44
	Ж	24	—	—	12	50,0	12	50,0	—	—	3,50
9	М	396	13	3,2	108	27,2	214	54,0	61	15,0	3,81
	Ж	358	24	6,7	114	31,8	210	58,6	10	2,7	3,57
11	М	13	—	—	2	15,3	11	84,6	—	—	3,84
	Ж	8	—	—	5	62,5	3	37,5	—	—	3,37
13	М	148	3	2,0	49	33,1	80	54,0	16	10,8	3,73
	Ж	133	7	5,2	47	35,3	75	56,3	4	3,0	3,57
19	М	105	4	3,8	39	37,1	58	55,2	4	3,8	3,66
	Ж	92	5	5,4	32	34,7	54	58,6	1	1,0	3,33
25	М	60	3	5,0	16	26,6	23	38,3	18	30,0	3,93
	Ж	40	3	7,5	15	37,5	19	47,5	3	7,5	3,55
Итого по обследованным главам	М	817	26	3,1	247	30,2	432	52,8	111	13,5	3,76
	Ж	702	41	5,8	240	34,1	401	57,1	2	2,8	3,56

крестьян Сен-Жерменского аббатства от мужского еще заметнее, чем имя серва от имени колона, — оно было короче в среднем на 0,2 слога. Не является ли, однако, это различие мужских и женских имен лишь следствием различия в именах всех колонов и всех сервов? Чтобы исключить это предположение, были раздельно подсчитаны длина мужских и женских имен у колонов и сервов. Подсчет показал, что имена мужчин и женщин различались как у колонов, так и у сервов. Средняя длина мужского имени превышала по учетному материалу среднюю длину женского имени — у колонов на 0,2 слога, а у сервов на 0,36 слога. Различие в мужских и женских именах оказывается, следовательно, у сервов еще заметнее, чем у колонов⁴⁰. В этих антропонимических данных, определенным образом отражавших соотношение общественного престижа мужчины и женщины в социальных представлениях крестьянства, явственно проглядывает приниженность женщины вообще и женщины сервильного статуса в особенности⁴¹.

Все это вместе взятое мешает согласиться с тезисом Д. Херлихи об отсутствии социальной приниженности крестьянской женщины IX в. Подобное представление несовместимо с той самооценкой крестьянами престижа мужчины и женщины, которую позволяет восстановить анализ

⁴⁰ Короткие имена в два-три слога встречаются у женщин сервильного происхождения в целом в 1,6 раза чаще, чем у мужчин, а длинные имена (в четыре слога и более слогов) — во столько же раз реже. У колонов соответствующие различия в длине мужских и женских имен не превышают 1,1—1,2 раза.

⁴¹ Наибольшая дискриминация женщин этой последней категории видна и из крестьянских неравных браков (между колонами и сервами, сервами и литами и т. п.). Такие браки нередко заключались между мужчинами-сервами и женщинами более высокого статуса (ибо в Сен-Жерменском аббатстве дети обычно наследовали юридический статус матери). Наоборот, женщины сервильного (или литского) происхождения вступали в брак с мужчиной более высокого социального статуса гораздо реже. Аналогичной особенностью отличались неравные браки в Реймском аббатстве св. Ремигия. (J. Verdon, Указ. раб., с. 132.)

мужчинами общественном положении и ее социальный престиж в целом уступал мужскому, не приходится удивляться «дискриминации» в молодых крестьянских семьях (и в первую очередь в семьях сервов) новорожденных девочек. Получают объяснение и особая забота о выживании в первую очередь новорожденных мальчиков, и большая смертность девочек в семьях сервов⁴³.

*
*
*

Проделанный выше анализ воочию показал, сколь неразрывно связаны история семьи и историческая демография раннего средневековья. Без уяснения типа и состава семьи для этого времени невозможно ни установление численности и динамики населения, ни объяснение его структуры. Столь же тесно взаимосвязан демографический анализ и с исследованием некоторых социальных представлений, позволяющих осветить специфику демографических явлений и ее подоплеку, и, само собой разумеется, не вызывает сомнений необходимость теснейшего сочетания демографических исследований с социально-экономическими. Однако чтобы демографический анализ раннего средневековья дал наибольшие результаты, необходима не только его интеграция с другими направлениями исторического познания, но и существенная интенсификация приемов изучения источников. (Как я пытался показать выше, при демографическом исследовании Франкского государства IX в. может, в частности, существенно помочь использование антропонимического материала). При этих условиях открывается возможность получить даже для такого отдаленного периода, как IX в., новые выводы о размере и структуре семьи и крестьянского двора, числе детей в семьях крестьян разного происхождения, соотношении полов и различиях в их престиже, так же как и выводы о населенности крупных французских сеньорий, о масштабах концентрации в них зависимого крестьянства и мн. др.⁴⁴

⁴² Против выводов Херлихи свидетельствуют и данные о преимущественных правах крестьянина-мужчины в распоряжении держанием и хозяйством, в возможности выступать в качестве свидетеля или быть министериалом; показательно также, что во всех полиптиках в качестве главы крестьянской семьи — если только в семье были налицо оба супруга — выступал мужчина.

⁴³ Отдельного анализа заслуживает вопрос о причинах социальной приниженности женщин в это время. Не останавливаясь на нем в этой статье, отмечу лишь, что здесь следует принимать во внимание как роль германских и галло-римских традиций, так и господство феодальных установлений, препятствовавших естественному формированию крестьянских семей.

⁴⁴ О тесной связи всех подобных аспектов с изучением этнических общностей см.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 255 сл.

TO THE DEMOGRAPHIC STUDY OF THE 9th CENTURY FRENCH VILLAGE (PEOPLE AND NAMES)

The paper aims at elaborating the most productive methods in the demographic study of the early mediaeval village in the area of 9th century France and at obtaining by this means new data on the numbers and composition of the population. The only type of source that contains at least some mass data for this period are polyptics (land inventories of private seigniories). Owing to their scarcity and to the lack of system in the information they contain, special methods are required for analysing them; these would enable us first of all to define the structure, composition and numerical strength of the farmstead — the main unit of description in the Carolingian polyptics. Hitherto unnoticed possibilities for thus determining the type of farmstead are opened up by examining the anthroponymic

data contained in certain polyptics, and primarily in the well-known polyptic of Abbot Irminon. These data, being analysed, reveal the widespread prevalence in the 9th century of multiple-family households where several small families were comprised in one farmstead. Accordingly the minimal family coefficient for the dependent peasantry is found to equal 4.5. On the basis of this coefficient and the available information on the minimal number of great manors in the territory of France of that period we can estimate the minimal proportion of dependent peasantry within their boundaries as related to the whole dependent population in general. This proportion lay between 25 and 32 per cent. Thus it becomes evident that the great manors, that focus of the most mature and finished forms of the feudal exploitation of peasantry, was in the 9th century the foremost type of socio-economic organization in France.

Demographic and anthroponymic calculations also help to elicit differences in the family structure between peasants belonging to different legal categories or different property strata; among other things the families of serfs turn out to have been distinguished by a smaller number of children and smaller family size. It can be shown how unfounded is the notion (to be met with in recent literature) of the high social status of women among the Carolingian peasantry.